

Конкретные суждения Боборыкина о творчестве его старших современников еще достаточно общи, условны и не представляют специального интереса. Гораздо более обстоятельно и точно рассматривается в статье деятельность писателей, вступивших в литературу в 60-х годах, т. е. того поколения, к которому Боборыкин относил и себя.

«Большинство их принадлежало к одной генерации, в более тесном смысле слова. Одновременно или один за другим стали писать Помяловский, Боборыкин, Слепцов, Левитов, Николай Успенский, Глеб Успенский, Решетников и т. д. Эта генерация имела свою окраску. За исключением двух-трех из этих беллетристов, все остальные занимались бытовыми очерками и даже в более крупных произведениях (как, например, Решетников в своих романах) живописали нам типы и подробности из мира серой массы» (с. 54).

Отметив с огорчением, что «оставшиеся в живых беллетристы этой генерации не позволяют себе останавливаться на слишком решительных замыслах и занимаются более характеристикой новых общественных типов в отдельности, не обобщая их так, как делал, например, это Тургенев в „Отцах и детях“ и в „Нови“» (с. 56,) автор статьи тем не менее весьма сочувственно оценивает вклад шестидесятников в русскую литературу.

«Все эти бытовые реалисты сделали свое дело. Они внесли, и по мотивам, и по манере своей, столько правды, знания и даже мастерства, что после них нельзя уже выступать в нашей беллетристике с поверхностным отношением к тем сферам, какие они задевали. И крестьян, и рабочих, и городских пролетариев, и семинаристов необходимо описывать, по крайней мере, с такой житейской подготовкой, какую проявляли эти писатели. Их вклад в русскую беллетристику, при всей односторонности, поднял требования хорошего литературного реализма и навсегда застраховал от всякого рода фальши в изображении русской действительности» (с. 55).

С негодованием, вполне понятным, если учесть позднейшие «золаистские» симпатии автора, отводит Боборыкин упрек в фотографичности, который предъявляла к творчеству писателей-шестидесятников современная им критика: «... этот термин произволен: чересчур трудно определить в художественном произведении, что представляет собою фотографию и что есть продукт более творческой работы писателя. Довольно и того, что ни один из них не позволяет себе сочинять, то есть отрешаться от жизни и выдавать призраки и сочетания своей авторской фантазии за реальную действительность» (с. 56).

Именно в чрезмерном «сочинительстве», далеком от принципов «реального» искусства, видит автор статьи самый существенный недостаток «тенденциозной» беллетристики, вне зависимости от того, посвящена ли она изображению «новых людей в идеальном плане» (Шеллер-Михайлов) или занимается «теми же новыми людьми с обличительной целью» (Лесков). Указав, что «тенденциозные» беллетристы либеральной ориентации «чрезвычайно усердно следят за так называемой „злостью дня“ и отличаются безукоризненностью своего гражданского направления» (с. 56—57), Боборыкин находит тем не менее, что их метод «реальный только по внешности», ибо в их произведениях «вместо живых красок является рассудочный анализ, резонерство и фальшивая идеализация» (с. 57).

Подойдя к теми же меркам к третьему поколению русских писателей, чья творческая деятельность началась в 70-е годы, критик вынужден отметить, что оно «беднее талантами» и «его персонал еще не вполне выяснился» (с. 57). Спорить с этой сдержанной оценкой не приходится, поскольку произведения Смирновой, Ардова, Володина, Златовратского, Каразина, Евг. Маркова явно не могли служить материалом для оптимистических прогнозов.

И все же скептическое отношение к новейшим беллетристам не помешало Боборыкину, сопоставляя вершинные достижения отечественной